

если я оставлю свой билет дома? Неизвестно ведь, что меня ждет впереди. Мама, с этим покончено... Ну, бабушка, — по-детски улыбнулся Олег, — ты зашивала когда-то свой партбилет. Значит, опыт у тебя есть. Бабуся, зашей, будь добра, и мой, хорошо? Вот сюда, в пальто. Бланки комсомольских временных билетов я тоже возьму с собой. Это — обязательно!

У меня опустились руки. Я умоляюще посмотрела на бабушку. Она поняла.

— Олежек, — сказала бабушка, — я стара, и ты послушай меня. Путь твой опасен. Ничего не бери с собой. Кто тебе верил, что ты комсомолец, — будет верить всегда. Вернешься — возьмешь свой билет и бланки эти... Мы их тут так спрячем, сам Гитлер не найдет. Давай-ка все сюда...

— Нет! — отрубил Олег. — Эх, бабуся, разве не ты же сама учила меня, как нужно относиться к партийным документам? Нет и нет! И давайте об этом больше не говорить...

Дрожащими пальцами мама зашила билет в пальто Олега, а потом еще и нитками перепутала, чтоб не выпал. Несколько бланков комсомольских удостоверений Олег зашил в пальто сам.

Настало время прощаться. Бабушка подошла к Олегу, положила ему руки на плечи:

— Олежек... если поймут тебя и полиция станет говорить, что твоя мать, или бабушка, или дядя Николай арестованы и что они, мол, признались во всем, — не верь, ни одному слову катов не верь!

И бабушка заплакала. Олег крепко обнял ее.

— Мама, — сказал он мне, — сожги все бумаги, дневники, тетради с протоколами заседаний... ну и... стихи. Пересмотри все книжки, может в них остались какие-нибудь записки. Не хочу вас подводить... Бабушка, приемник отне-